

Санкт-Петербургский государственный университет

ГАДЖИЕВА Айгун Байрамовна

Выпускная квалификационная работа

**Глагольно-именные формы турецкого языка как компоненты единой
словоизменительной системы**

Уровень образования:

Направление 58.03.01 «Востоковедение и Африканистика»

Основная образовательная программа СВ. 5035.2018

«Востоковедение и африканистика»

Программа «Тюркская филология»

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук, доцент Дубровина Маргарита Эмильевна

Рецензент:

Кандидат филологических наук, ассистент Ягафарова Александра Дмитриевна

Санкт-Петербург

2022

Введение

Введение	3
<u>Глава 1.</u> Понятийно-терминологический аппарат	7
<u>Глава 2.</u> Субстантивно – адъективные формы (САФы).....	14
Глава 3. Масдары	38
<u>Глава 4.</u> Причастия.....	41
<u>Глава 5.</u> Деепричастия	49
Заключение	62
Список использованной литературы	65
Сокращение названий литературных источников.	66

Введение

В современном турецком языке сложную глагольную категорию, представляющую собой частные категории: 1) имена действия (масдары), 2) причастия, 3) субстантивно-адъективные формы глагола, 4) деепричастия, именуют категорией номинализации действия. К настоящему времени в тюркском языкознании существует достаточно четкое представление о вышеупомянутых формах как о ряде морфологических единиц, объединяемых в единую словоизменительную категорию. По мнению ученых, рассматриваемые именные глагольные формы — это морфологические средства, функцией которых является представлять исходные действия во вторичном образе именных частей речи, т.е. в образе признака, предмета или обстоятельства. Важность вопроса о вышеупомянутых формах обуславливается той значительной ролью, которую они играют не только в морфологии, но и в синтаксисе тюркских языков. Наличие таких форм позволяет коммуниканту обходиться без придаточных предложений индоевропейского типа.

Целью исследования является анализ глагольных имен, истолкование их коммуникативного предназначения, выявление и сравнение их значений, синтаксических функций и функционирования, в целом. Кроме этого, необходимо определить их место в морфологической подсистеме турецкого языка в целом, и внутри глагольно-именных форм в частности, опираясь на разработанную в стенах Санкт-Петербургского Университета В. Г. Гузевым концепции вторичной репрезентации (вторичного гипостазирования). Путем анализа глагольных именных форм, их значений и функций автор настоящего сочинения предпринял попытку детально рассмотреть функционирование глагольных имен как словоизменительной категории.

Для достижения поставленных целей автору настоящего исследовательского сочинения необходимо было реализовать нижеуказанные **задачи**:

1. Подготовка теоретической базы понятийно-терминологического аппарата, необходимого для всестороннего изучения обозначенной выше темы;
2. Дать краткий экскурс в историю вопроса о статусе изучаемых именных форм глагола и рассмотреть современное отношение специалистов к обозначенной проблеме;
3. Выявить и описать грамматические значения глагольно- именных форм, исходя из их функций и выражаемых при их посредстве смыслов;
4. Описать ситуации их употребления и установить правила, которые регулируют их использование в речи;

Работа состоит из пяти глав, введения и заключения. Первая глава посвящена анализу общелингвистическому и собственно тюркологического понятийно-терминологическому аппарату, где формулируются трактовки таких понятий, как «язык», «знак», «речь», «монема», «морфология», «разновидность языковых значений», «техническое преобразование слов», «разновидности монем» («лексема» и «морфема») и так далее. В других четырех главах проводится обзор глагольных адъективных (причастия), адвербиальных (деепричастия), субстантивных (масдары) и субстантивно-адъективных форм.

Изучаемые автором настоящей исследовательской работы глагольные именные формы представляют собой особо значимый блок в строе тюркских языков. Поскольку исследуемые формы в тюркских языках имеют следующие особенности, они представляют особый интерес для исследования: во-первых, они являются чрезвычайно развитой категорией со словоизменительным

механизмом; во-вторых, глагольные именные формы следует относить к высокопроизводительным морфологическим средствам, в-третьих, важность рассматриваемых форм заключается в особенности тюркского синтаксиса, заключающейся в том, что в тюркских языках придаточные предложения строятся не через призму индоевропейских языков. Кроме того, существование отличных лингвистических подходов к вышеперечисленным глагольным именам позволяет автору объединить и проанализировать точки зрения разных исследователей. Этим обуславливается **актуальность исследования**.

Доказательством высказанным идеям служит бесчисленное количество научных работ и статей, посвященных данному вопросу. При написании квалификационной работы автор опирался на труды отечественных и зарубежных исследователей, таких как: В.Г. Гузев «Теоретическая грамматика турецкого языка», «Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийского языка); С.Н. Иванов «Курс турецкой грамматики «Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола»; Özlem Yılmaz «Категория номинализации действия в турецком языке» и другие.

Объектом исследования являются глагольные имена в турецком языке. **Предмет исследования** – их общие свойства и особенности функционирования.

Фактическим материалом для исследования послужили произведения Сабахаттина Али «Kürk mantolu madonna» (Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul: Remzi kitabevi, 1943.), Яшара Кемалю «Yılanı öldürseler» (Yaşar Kemal. Yılanı öldürseler. İstanbul: Cem yayınevi, 2004.), Мехмета Рауфа (Mehmet Rauf. Bir aşk tarihi. İstanbul: Ceylan Matbaa, 2018.), Халиде Эдип Адывар «Halide Edip Adıvar. Ateşten gömlek. İstanbul: Can yayınları, 2019.) Зюльфию Ливанели «Huzursuzluk» (Zülfü Livaneli. Huzursuzluk. İstanbul: Doğan Egmont yayıncılık Tic. A. Ş., 2017.) на примере которых автор настоящей работы рассматривает

структуру, функциональное предназначение и сущностные свойства глагольно-именных форм.

Глава 2. Понятийно-терминологический аппарат

В современном языкознании принято разграничивать понятия «язык» и «речь», теорию которой впервые в четкой форме выдвинул и обосновал крупнейший лингвист, теоретик в области общего языкознания Фердинанд де Соссюр (1857-1913). Позже данные понятия наиболее глубоко разрабатывались другими исследователями, а в частности Л.В. Щербой (1880-1944) и его учениками. В меньшей степени исследователи проявляют стремление к разграничению этих двух понятий от понятия «мышление».

1. Язык и речь

Проблема разграничения понятий «язык» и «речь» – это один из важнейших вопросов в общем языкознании, который неоднократно выдвигался в центр научной дискуссии. Как было сказано ранее, наиболее четко впервые в языкознании понятия «язык» (*langue*) и «речь» (*parole*) разграничил Фердинанд де Соссюр и данные понятия обосновал как две противоположные, но тесно связанные друг с другом формы существования многообразных и противоречивых в своей совокупности «речевых явлений».

Рассмотрение вопроса о связи языка и речи целесообразно начать с объяснения понятия языка. «Язык, или языковая система – это объективно существующий в психике индивида естественный коммуникативный механизм, знание или совокупность знаний, которыми владеет каждый член одной коммуникативной общности и которые лежат в основе способности человека пользоваться звуковыми или графическими знаками (т.е. производить и воспринимать их) с целью обмана мыслительным содержанием (смыслом, информацией); изогенное, гомоморфное (в пределах, необходимых для обеспечения коммуникации), узуальное, социальное знание, функционирующее в психике каждого члена одного однородного языкового коллектива».¹ С этой

¹ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015. – С. 7.

позиции справедливо будет сказать, что язык является главным средством коммуникации, и именно коммуникативная природа языка, с одной стороны, считается решающим фактором на пути адекватного понимания и интерпретации данного понятия. С другой стороны, не менее важным моментом является признание совершенной природы языка, ведь язык формируется в психике человека.² По мнению Соссюра, в языке нет ничего индивидуального, а в речи нет ничего коллективного.

Разграничивая такие понятия, как «язык» и «речь», следует разграничивать и единицы данных объектов. Важно помнить, что в процессе коммуникации происходит постоянный обмен информации, выраженной набором звуковых и графических знаков. «Знак или цепочка знаков – это материальное звено акта коммуникации, посредством которого передается мыслительное содержание».³ «Термином «знак» в соответствии с научной традицией обозначается производимое человеком с помощью физиологических и физических средств и воспринимаемое посредством органов чувств физическое образование (звуковое, графическое), которому в психике каждого члена данной коммуникативной общности соответствует гомоморфный социальный образ – образ знака, «языковой знак»»⁴ Особенностью связи между знаком и того, что знак представляет, является наличие условного характера. Таким образом, язык представляет собой систему знаков, в которой значение и акустический образ связаны между собой условной, устойчивой ассоциативной связью. Отношения между знаками образуют иерархически упорядоченную систему, чего невозможно сказать о речи. Соответственно, речи не свойственна система, она хаотична и не ограничена.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – М.: Академия Наук СССР, 1963 г. – С. 101.

³ Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. – СПб: LAMBERT, 2010 г. – С. 20.

⁴ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 7.

Минимальными двусторонними инвентарными единицами языков всех четырех типов структурных типов (аморфных, флективных, инкорпорирующих, агглютинативных) является монема. Но следует отметить, что для означения той разновидности монем, которые представляют собой минимальные инвентарные единицы морфологической подсистемы языка используется термин «морфема».

2. Язык и мышление

Два взаимосвязанных понятия, представляющие собой «язык» и «мышление», имеют специфические особенности, которые являются критериями их разграничения. Обозначение характера связи между ними – это одна из важнейших проблем теоретического языкознания.

Анализ связи языка и мышления целесообразно начать с объяснения понятия мышления. Мышление - это «познание и прогнозирование состояний среды, а также выбор форм результативного поведения в этой среде с помощью конкретных и абстрактных образов объектов среды и образов смены внутренних состояний индивида в его сознании.»⁵ А язык, в свою очередь, это одна из форм выражения мышления. Язык представляет собой механизм, находящийся в сознании индивида, то есть физически формирующийся объект.⁶

Важно отметить, что человеку свойственно как вербальное мышление, так и невербальное мышление.⁷ Согласно Г.П. Мельникову, «признание того, что вербальные разновидности составляют не всю сферу человеческого мышления, а лишь часть ее, нисколько не ставит под сомнение, а углубляет общепризнанное в отечественной науке положение о том, что в человеческом сознании мышление (включая и вербальное) и «язык» теснейшим образом взаимосвязаны».⁸

⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 9.

⁶ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977 г. – С. 38.

⁷ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Советское радио, 1978 г. – С. 271-278.

⁸ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 9.

Насколько бы тесно ни были связаны мышление и язык, любые явления, объекты, ситуации, воспринимаемые органами чувств, сначала отражаются и запечатлеваются в психике индивида в виде мыслительных образов. Под мыслительным образом необходимо понимать не только предмет объективной действительности, но и целую ситуацию (вид за окном, зимний пейзаж, ссора детей и так далее).

Язык – это «какая-то область человеческого мышления, здесь удобно пользоваться термином механизм внутри мышления, позволяющий человеку вступать в коммуникативное общение с другими людьми». ⁹ Языковые значения, как и содержание высказываний, косвенно соотносятся с объективной действительностью, через мыслительные образы, в которых эта действительность отражается в сознании. Причем в сознании индивида может быть неограниченное количество мыслительных образов, большая часть которых не получает языковой оболочки. Именно «язык позволяет мысли, которая рождается раньше языка и пребывает в бесформенно-образном виде, получить материальную форму для передачи ее другому лицу». ¹⁰

3. Подсистемы языка.

В традиционной лингвистике существуют следующие пять подсистем языка: фонология, лексикология, морфология, синтаксис, морфонология. Согласно теме настоящей работы, следует акцентировать внимание на морфологической подсистеме языка, остановиться на выяснении ее сущности и, соответственно, рассмотреть ее морфологические единицы. Согласно О.С. Ахмановой, «основным предметом морфологии является исследование системы морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, то есть системы его грамматических категорий и способов их выражения, включая

⁹ Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление» (из истории проблемы) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. – М.: МБА., – 2015 г. – С. 42- 49. С. 47.

¹⁰ Там же.

учение о формообразовании».¹¹ Под термином «морфология» трактуется, как правило, подраздел языка, который «представляет собой две основные подсистемы, одна из которых распределяет лексические единицы по частям речи, а вторая связывается с операциями, которые коммуниканты производят над словами.»¹²

Для тюркских языков свойственны следующие операции (способы) технического преобразования: «агглютинативно-прогрессивная аффиксация, употребление аналитических показателей, использование повторов, образование «аналитических» конструкций, смещение ударения.»¹³ Автор данной исследовательской работы полностью согласен с учеными, которые трактуют морфологию как фрагмент грамматики, представляющий собой две языковые подсистемы: 1) соотносит единицы с классами лексем, и 2) отвечает за техническое преобразование слов. Средства технического преобразования слов – это инвентарные единицы, которые являются компонентами структурных единиц языка – его словообразовательной и словоизменительной подсистем.

В лингвистической среде исследователи все чаще и чаще поднимают вопрос разграничения данных подсистем. Проблема заключается в том, что ученые по-своему обозначают границы словообразовательных и словоизменительных явлений. Кроме того, следует отметить, что вместо термина «словоизменение» зачастую употребляется термин «формообразование», что еще больше приводит к еще большей путанице. За словообразовательными и словоизменительными операциями стоят коммуникативные задачи, через которые собственно и следует вывести их конкретные функции. Словообразование несет ответственность за образование новых лексем, а функция словоизменения заключается в видоизменении имеющихся слов без вторжения в их лексическое значение.

¹¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966 г. – С. 509.

¹² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 18.

¹³ Там же.

Целесообразно выделять внутри словоизменительного механизма две разновидности: 1) формообразование, представляющее собой основную разновидность словоизменения и охватывающее не только категории с личными показателями, но и все остальные категории, 2) соотношение формообразования в тюркских языках с многочленными категориями, которые обозначаются формами с показателями лица. Таким образом, глагольные категории статуса, залога, номинализации действия, последнюю из которых автор стремится разобрать в настоящей работе, являются словоизменительными категориями, к которым применим только формообразовательный механизм.

4. Категории номинализации действия среди глагольных словоизменительных категорий.

Немаловажно отметить, что словоизменительный характер глагольных имен подтверждает следующие характеристики: 1) сохраняют глагольное управление; 2) могут иметь залоговые формы; 3) образуют отрицательную значение путем присоединения показателя – та; 4) могут образовывать сложные глагольные конструкции (в частности, перифрастические формы, формы возможности и невозможности).¹⁴

Глагольные словоизменительные категории могут выражать следующее:

1. Выражают взаимосвязь лексических значений глаголов со служебными грамматическими значениями, отражающие характер связи между ними (категория залога и сказуемости);
2. Выражают связи, в которые выступают признаки действий (категория статуса и аспектуальности);
3. Репрезентация действий

¹⁴ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 15.

Таким образом, крупную единицу, в которую входят частные категории, в тюркском языкознании принято именовать категорией номинализации действия. Данная категория представляет собой сложную категорию с иерархической структурой, являющаяся наглядным примером репрезентации действий в виде предмета, признака или обстоятельства: имена действия, причастия, субстантивно-адъективные формы, деепричастия.

Глава 3. Субстантивно – адъективные формы

(САФы)

1. О понятии «субстантивно-адъективная форма»

Во всех тюркских языках такие формы, которые способны функционировать в «опредмеченном» и «опризначенном» виде, получают термин «субстантивно-адъективные формы».¹⁵ Говоря о субстантивно-адъективных формах, исследователи подразумевают формы -DIK; - (y)AcAk и - (y)AsI, благодаря которым тюркские языки могут обходиться без придаточных предложений индоевропейского образца. Следует отметить, что в карлукских, кыпчакских языках субстантивно-адъективные формы соответствуют форме –ган и ее производным.¹⁶

Существенная особенность субстантивно-адъективных форм заключается в том, что они, как и масдары, способны присоединять к себе личные показатели принадлежности, указывающие на производителя действия¹⁷:

1. Evvelce bana iş bulmaları için müracaat ettiğim ve hiç da fena muamele görmediğim bazı tanıdıklara sokakta rastla**duğım** zaman başımı önüme eğip hızla geçiyordum (S.A. КММ. 12.) «Когда **я встретил** на улице знакомых, к которым я обращался за помощью, чтобы найти мне работу, и с которыми у меня были неплохие отношения, я склонил голову и быстро прошел.»
2. Yaklaş**dığı** masalardan birinde oturan genç ve sarhoş bir erkek yavaşça iskemlesinden kalkarak onu çıplak sırtından öptü (S.A. КММ. 73.) «Пьяный молодой человек, сидевший за одним из столиков, к которому **он подошел**, медленно поднялся со стула и поцеловал ее в голую спину.»

¹⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С. 126.

¹⁶ Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на –ган и ее производные). – Л.: Ленинградский университет, 1959 г. – С. 49-51.

¹⁷ Там же.

Следует отметить, что в тюркском языкознании большинство исследователей трактуют данные формы как причастия. «Иногда формы –Dik и –(y)AsAk в их атрибутивном и субстантивном использовании, - пишет С.Н. Иванов, - не относят к причастиям. Видимо, это обусловлено давлением термина, в который вкладывают содержание, связываемое с индоевропейским пониманием причастия, но если же идти не от термина, а от грамматического содержания, то нужно будет признать, что формы –Dik и –(y)AsAk образуют вместе с теми турецкими формами, причастная сущность которых не вызывает у исследователей сомнения, своеобразную систему форм»¹⁸. Согласно точке зрения С.Н. Иванова, особенность турецких причастий заключается в их полифункциональности и своеобразном разделении на синтаксические функции: атрибутивные (-an), атрибутивно-предикативные (-ar, -miş), атрибутивно-субстантивные (-Dik), атрибутивно-субстантивно-предикативные (-(y)asak).¹⁹ «Причастие с аффиксом –dik представляет собой форму определения (с притяжательным оформлением) при определяемых со значениями объекта (прямого и косвенного), места и времени действия; причастие с формантом –(y)AsAk допускает те же типы определяемых, что и причастие –Dik, но может кроме того, быть и присубъектным определением».²⁰

Но трактовать указанные формы как причастия, значит не замечать их важнейшие отличия от причастных форм, не замечать в них более полифункциональный инструмент. Как явствует из всего вышесказанного, субстантивно-адъективные формы обладают двумя важными функциями. «В отличие от причастий, которые выражают действие, функционирующее лишь в виде признака и обладающее собой агентивности, субстантивно-адъективные

¹⁸ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 35.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

формы имеет две определенно выраженные функции: 1) субстантивное функционирование и 2) адъективное функционирование.»²¹

Как было сказано ранее, в сравнении с причастиями отличительной чертой субстантивно-адъективных форм в адъективном предназначении является отсутствие агентивного значения, то есть «семы, сигнализирующей о том, что предмет, носитель признака, есть производитель действия, представляемого в виде признака».²² В нижеприведенном материале можно увидеть те особенности, которые не позволяют отождествлять прилагательные и причастия:

Примеры:

1. On seneden beri hiç kimseye bir şey söyle**diğimi** hatırlamıyorum (информант)
«Я не помню, чтобы **я** за эти 10 лет кому-то что-то **рассказал.**»
2. Bu, yabankedisi kürkünün içinde, soluk yüzü, siyah gözleri ve uzunca burnu ile, sergide gör**düğüm** resmin ta kendisi, «Kürk Mantolu Madonna’ydı. «Это та самая картина (S.A. КММ. 176.) «Мадонна в меховом манто» с бледным лицом, черными глазами и длинным носом, в шубе, сделанной из камышового кота, которую **я видел** на выставке.»

Как заметно из вышеприведенных примеров, субстантивно-адъективные формы в субстантивном коммуникативном предназначении отличаются от масдаров (имен действия) наличием у них временных сем. Форма –(y)AcAk и –(y)Ası указывают на будущее время, а –Dık называет настоящее или прошедшее действие. В сфере адъективного функционирования субстантивно-адъективная форма, которая лишена агентивного значения, индифферентна к характеру отношений между выражаемым глагольной основой действием и предметом, называемый определяемым.

²¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 63

²² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С. 161.

Согласно точке зрения С.Н. Иванова, предмет, определяемое по отношению к действию, выраженный глагольной основой, может быть: 1) его производителем; 2) его прямым или косвенным объектом; 3) местом его совершения; 4) временем его протекания.²³ «К этому перечню семантических возможностей субстантивно-адъективных форм, выражающих характер связи предмета с действием, называемым глагольной основой, можно добавить также: 5) предмет-цель; 6) средство, инструмент; 7) причина действия».²⁴ Примеры:

1) Определяемое называет производителя действия:

1. Ağır bir hastaya söylen~~ecek~~ sözler değil (информант) «Это не те слова, которые следует говорить тяжело больному человеку.»
2. Yüzünün bütün iptidai ve vahşi ifadesine rağmen acın~~acak~~ bir tarafı vardı. (S.A. КММ. 125.) «Несмотря на все дурковатое и жестокое выражение его лица, была и сторона, которая вызывает жалость.»
3. Kafamın içinde ona söylenecek uçsuz bucaksız şeyler bulunduğunu hissediyordum, senelerce söylene bitme~~yecek~~ şeyler... (S.A. КММ. 138.) «Я чувствовал, что в моей голове было огромное количество мыслей, которые мне следует ей сказать, мысли, которые никогда не закончатся, даже если бы ей это рассказывали годами ...»

Важно отметить, что в современном турецком языке форма –Dık, указывающая на прошедшее время, в функции определения не может относиться к определяемому, которое бы называло производителя действия. Агентивные отношения между определением, выражаемый глагольной основой в субстантивно-адъективной форме (-Dık), и определяемым предметом передаются с помощью причастий.

1) Определяемое называет объект

²³ Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на –ган и ее производные. – Л.: Ленинградский университет, 1959 г. – С. 49-51.

²⁴ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 63.

1. Fakat onun bu arzuyu hissetmediğini ve başını tekrar önündeki işe eğerek ben odada yokmuşum gibi meşgul olduğunu gördüm (S.A. КММ. 139.) «Но я видел, что он не испытывал желаний и с головой был погружен в работу, был занят так, будто бы меня не было в комнате.»
2. Onun aslında hiç de fena bir insan olmadığını, yalnız mevkiinin icaplarını yaptığını ve bunun da belki hakikaten lüzumlu olabileceğini düşündüm (S.A. КММ. 112.) «Я подумал, что он и вправду не является плохим человеком, что он просто стоит на своих убеждениях и что это, на самом деле, может стать действительно необходимым.»
3. Bu adam uzun uzun muayeneden sonra hastalığın zatürree olduğunu söyledi ve etrafındakilerin şaşkınlığını görünce... (S.A. КММ. 40.) «Этот человек после долгого обследования сказал, что он болеет пневмонией (его болезнь – пневмония), и когда он увидел изумление окружающих ...»
4. Fakat benim her şeye bir çare bulduğumu, küçük kaytan fitilli idare lambasının ışığı altında kendimden geçerek ‘Paris Esrarı’ nı veya ‘‘Sefiller’’ i okuduğumu görünce tazyikinden vazgeçmişti (S.A. КММ. 50.) «Однако, когда он понял, что я всему найду выход, например, когда он (отец) увидел, как я под маленькой фитильной лампой читал «Парижскими тайнами» и «Отверженными», он прекратил на меня давить.»

2) Определяемое называет место совершение действия

1. Raif efendinin yattığı odaya girince büsbütün şışırdım (S.A. КММ. 39.) «Когда Раиф вошел в комнату, где спал господин Раиф, я был совершенно удивлен.»
2. Elbiseleri benim bulunduğum tarafta, karyolanın ayakucunda üst üste asılmış duruyordu (S.A. КММ. 97.) «Его вещи висели друг на друге на изножье кровати с той стороны, с которой я стояла.»

3) Определяемое называет время протекания действия

1. Beraber yürüdüğümüz zamanlar yanımda gidenin bir insan olduğunu bütün kuvvetimle hissetmiyor muydum? (S.A. КММ. 206.) «Когда **мы гуляли** вместе, разве я не чувствовал всей душой, что со мной идет человек?»
2. Her insana ve ilk tanıştığımız sıralarda bana karşı gösterdiği o ürkek ve çekingen hali kalmamıştı (S.A. КММ. 152.) «В нем не осталось той нерешительности и застенчивости, которую он демонстрировал всем людям и мне, когда **мы** только **познакомились.**»

4) Предмет – средство осуществления действия

1. **Не было денег, чтобы** достойно **похоронить** шахидов этой жестокой войны (информант) «Bu acımasız savaşın şehitlerini saygılı bir şekilde gömecek **para** yok.»

Опираясь на выше приведенные примеры следует заключить следующее: 1) адъективное функционирование выражает действие-признак 2) значение субстантивно-адъективных форм не имеет семы агентивности и собственно залогового значения. Однако данная черта не дает повод думать, что субстантивно-адъективные формы не функционируют в залоговых отношениях:

1. Odada insanı şaşırtacak bir kargaşalık hüküm sürüyordu (S.A. КММ. 26.) «В комнате царил **хаос**, который **заставит удивиться** любого человека.»
2. Tercüme edilecek yazılar bir odacı ile evine gönderilir ve birkaç saat sonra aldırıldı (S.A. КММ. 20.) «Все **статьи**, которые **нужно перевести**, отправляли ему на дом с посыльным и через пару часов они были готовы.»

На приведенном материале можно увидеть, что при коммуникативной необходимости субстантивно-адъективные формы, не меняя категориального значения действия, присоединяют залоговые показатели. Более того, данные формы могут указывать на производителя действия, присоединив аффиксы

категории принадлежности: *Beş dakika önce yazdığımı bile unuttum* (информант)
«Я даже забыл то, что написал пять минут назад.»

Как и причастия, субстантивно-адъективные формы в адъективном функционировании похожи на имена прилагательные. Следовательно, они также способны субстантивироваться. Соответственно, они могут функционировать в роли существительного в высказываниях – т.е. в роли как (1) определения, так и (2) определяемого в составе изафетных конструкций, (3) субъекта, (4) предиката, (5) дополнения.²⁵ Следовательно, субстантивно-адъективные словоформы способны функционировать с (6) аффиксами именных словоизменительных категорий и с (7) послелогами:

1. *Bu bölgede yaşadıkların yıllık geliri yüksek olmalı* (информант) «Годовой доход жителей этого региона должен быть высоким.»

2. *Ahmedin yazdığı mektup* (информант) «Письмо, которое написал (пишет) Ахмед.»

3. *İnecek var!* (информант) «Есть те, которые хотят сойти.»

4. *Babamı en çok endişelen şey, abimin ona yalan söyledikleridir* (информант)
«Больше всего отца беспокоит то, что мой брат солгал ему.»

5. *Bir an kadar onun yüzünün bana yaklaştığımı, gözlerinin, o zamana kadar gördüklerimden çok daha sıcak bir ifadeyle, beni adeta kucakladığımı gördüm* (S.A. КММ. 100.) «На мгновение я увидел, как ее лицо приближалось ко мне, как ее глаза обнимали меня с гораздо более теплым взглядом, чем другие глаза, что я когда-либо видел.»

6. *Yatağında nasıl uzandığımı, nasıl ağır ağır nefes aldığımı, saçlarının yastığa nasıl serildiğini tasavvur ediyor ve hayatta bu manzarayı görmekten daha büyük bir saadet*

²⁵Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 68.

olamayacağıni düşünüyordum (S.A. КММ. 111.) Я представил себе, как она лежит на своей кровати, тяжело дышит, как ее волосы раскинулись на подушке, и я подумал, что не может быть большего счастья в жизни, чем наблюдать за этой картиной.»

7. Sarhoşluğum azaldığı için, rabıtalı bir şekilde düşünmeye çalışıyor ve birkaç dakika önce yüzüme dikilip gülümseyen gözleri hatırlamak istiyordum (S.A. КММ. 115.) «Когда я немного протрезвел, я пытался мыслить по-доброму и хотел вспомнить улыбающиеся глаза, смотревшие на мое лицо несколько минут назад.»

2. Частные особенности субстантивно-адъективных форм

1. Субстантивно-адъективная форма –Dık

Форма с показателем –Dık является продуктивной формой данной категории. Как уже было сказано ранее, она может функционировать в формах категории принадлежности, указывающие на производителя действия.²⁶ Данная форма выражает действие-предмет или действие-признак в небудущем времени.²⁷

1) Прошедшее действие, представляемое в образе предмета:

1. İnsan,bilhassa kadın ve erkek münasebetleri o kadar karmakarışık ve arzularımız,hislerimiz o kadar anlaşılmaz ve bulanık ki, hiç kimse ne yaptığın bilmiyor ve akıntıya kapılıp gidiyor (S.A. КММ. 176.) «В частности, отношения между мужчинами и женщинами настолько запутаны, а наши желания и чувства настолько непонятны и туманны, что никто не знает, что они делают, и поэтому попадают в ловушку.»
2. Bu anda neler duyduğumu ona söyleyecek bir kelime bulamadığım için göğsümün daralır gibi olduğumu, boğazımın kurduğumu hissettim (S.A.

²⁶ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С 122-123.

²⁷ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 69.

КММ. 134.) «В этот момент, когда я не мог подобрать слова, чтобы передать ей то, что я услышал, я почувствовал, как сердце сжималось в моей груди и пересыхало в горле.»

Прошедшее действие, представляемое в образе признака:

1. O zamana kadar bütün insanlardan esirge**diğim** alaka, hiç kimseye karşı tam manasıyla duyma**diğim** sevgi sanki hep birikmiş ve muazzam bir kütle halinde şimdi bu kadına karşı meydana çıkmıştı (S.A. КММ. 127.) «Беспокойство, которое я до тех пор скрывал от всех людей, любовь, которую я не чувствовал в полной мере ни к кому, казалось, всегда накапливалась во мне и теперь проявилась огромной массой к этой женщине.»
2. İstanbul'da Sanayii Nefise mektebine devam etti**ğim** aylarda bazı arkadaşlar, Beyaz Ruslardan öğrendikleri birtakım dansları bana da göstermişlerdi (S.A. КММ. 176.) «В течение нескольких месяцев, когда я продолжал учиться в школе Санайи Нефисе в Стамбуле, некоторые друзья показали мне пару танцев, которым они научились у белорусов.»

2) Настоящее действие, представляемое в качестве предмета:

1. Gündüz hadiseleri olduğu gibi kabul ediyor, onun kararlarının kati oldu**ğunu**, aradan biraz zaman geçmesini beklemekten başka bir şey yapamayacağımı anlıyordum (S.A. КММ. 170.) «Днем я принял события такими, какие они есть, и понял, что ее решения (являются) окончательны и что мне ничего не оставалось, как подождать, пока пройдет какое-то время.»

Настоящее действие, представляемое в качестве признака:

1. Muayyen bir şey anlatmıyor, çocukluğundan, askerliğimden, oku**duğum** kitaplardan, kur**duğum** hayallerden, komşumuz Fahriye'den ve tanı**diğim** eşkiyalardan bahsediyordum (S.A. КММ. 69.) «Я не говорил о конкретных вещах, я говорил о своем детстве, своей военной службе, книгах, которые

я читаю, о моих мечтах, которые я строю, о нашей соседке Фахрие и бандитах, которых я знаю.»

2. Birleştiğimiz noktalar ne kadar çok olursa olsun, ayrı olduğumuz yerler de vardı ve bir taraf diğer tarafa kolayca uyuyorsa, bunu ancak daha ehemmiyetli bulunduğu bir gaye uğrunda yapıyordu. (S.A. KMM. 176.) «Независимо от того, в скольких точках мы сходимся, есть также точки, где мы находимся далеко друг от друга, и если одна сторона легко совпадает с другой, это делается только для той цели, которую он считает более важной.»
3. Her yerde birçok fırsatlar çıkıyor, birçok insanlar, ruhumda fazlasıyla bulunduğu sevgiyi sarf etmek, tekrar yaşamaya başlamak için bana kısa ümitler veriyordu (S.A. KMM. 78.) «Везде было много возможностей, многие люди давали мне маленькие надежды, чтобы проявить любовь, которой чересчур много есть\находится в моей душе, и начать жить снова.»

Следует отметить еще одну характерную особенность рассматриваемой формы: возможно функционирование формы –Dık в отрицательном статусе в адъективной сфере использования:

1. Bütün teessürlerimiz, inkisarlarımız****, hiddetlerimiz, karşımıza çıkan hadiselerin anlaşılmadık, beklenmedik taraflarınadır (S.A. KMM. 26.) «Все наши обиды, горести и гнев связаны с непредсказуемыми и неожиданными сторонами событий, с которыми мы сталкиваемся.»

Однако важно сказать, данная форма очень редко функционирует вне отрицательного статуса и категории принадлежности. Подобное ее использование является непродуктивной (анахронизмом): tanıdık biri «знакомый».

Форма –Dık в адъективном функционировании вне категории принадлежности не определяет определяемое, которое указывает на производителя действия. Иными словами, конструкция типа *yandık araba

невозможно образовать. Данную функцию берут на себя причастия, имеющие те же временные семы: уanmış araba «сгоревшая машина/горящая машина».

Теперь следует рассмотреть данные формы в разных синтаксических ролях: подлежащего, определения, прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельства, сказуемого. Ниже приведены примеры функционирования формы –Dık в качестве сказуемого (1), подлежащего (2) и дополнения (3):

1. Başlangıç noktam, dün akşam neler yaptığımı ve onu bu işi halletmeye nasıl kandırdığımı (информант) «Мне следовало начать с того, что вчера вечером **я сделал** и как **я убедил** его решить это вопрос.»

2. Hayata gelecek çocuğun babası olduğum da, çok şüpheli idi (информант) «Было очень сомнительным то, что **я являюсь** отцом ребенка, который появится на свет.»

3. Raif Efendinin vaziyetinin de pek hoş olmadığını ve bu kalabalığın içinde onun fazla ve lüzumsuz bir şey gibi durduğunu fark ediyordum (S.A. КММ. 28.) «Я понял, что в 28 лет **положение** Раифа Эффенди **было** не очень приятным, и **он выглядел** в этой толпе каким-то слишком бесполезным человеком.»

Как было сказано ранее, форма –Dık в адъективном использовании может функционировать в роли определения в составе изафетных конструкций для передачи изъяснительных отношений:²⁸

1. **Onun** yaptığı iddiası (информант) «Утверждение о том, что **он совершил.**»
2. Benim üniversiteden mezun olmadığı haberi (информант) «Новость, о том, что **я не закончила** университет.»

II. Субстантивно-адъективная форма – (y)AcAk

²⁸ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 72.

Согласно точке зрения А.Н. Кононова, форма – (у)АсАк, именуемая им как причастие, «выражает 1. будущее действие 2. будущее действие с оттенками возможности предположительности долженствования».²⁹ Однако форма – (у)АсАк, по-видимому, через свои модальные значения во всех случаях указывает одновременно и на модальные смыслы:³⁰

1) Возможность

В сфере субстантивного функционирования:

1. Dünyada bu kadar rahat, bu kadar sükûn içinde ağlanabileceğini tasavvur edemezdim (информант) «Я даже не мог представить себе, что на этой земле **можно** настолько спокойно и тихо **выплакаться.**»
2. Dün akşam anlattığın şeylerin, sen gider gitmez, kafama hücum edeceklerini, beni bir dakika bile rahat bırakamayacaklarını zannediyorum (S.A. КММ. 49.) «Предполагаю, что то, что ты сказал вчера вечером, втемяшится мне в голову, как только ты уйдешь, и уже эти **мысли не смогут оставить** меня в покое ни на минуту.»

В сфере адъективного функционирования:

1. Gözlerinde adeta düşmanca diyebileceğim parlıltı vardı (S.A. КММ. 18.) «В его глазах был блеск, который, я могу назвать, враждебным.»

2) Предположительность

В сфере адъективного функционирования:

1. Bizimle birlikte bu evde oturacak geline annemin saygı duymayıp onu ezeseğini ve aşağılacağını elbette hepimiz anlıyorduk (информант) «Мы, конечно, все понимали, что моя мать не будет проявлять уважение, а будет унижать **невестку, которая возможно, будет жить в этом доме с нами.**»

²⁹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 472.

³⁰ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 73.

3) Долженствование

В сфере субстантивного использования:

1. Ofiste ne yapılacağı çok iyi biliyorum (информант) «Я прекрасно понимаю, **что должно быть сделано** в офисе.»

В сфере адъективного использования:

1. Birbirimize söyleyecek şeyleri ilk akşam bitirmiş değildik (S.A. КММ. 17.) «В первый вечер мы не закончили говорить друг другу о **вещах, которые следовало бы сказать.**»
2. Tercüme edilecek yazılar bir odacı ile evine gönderilir ve birkaç saat sonra aldırıldı (S.A. КММ. 20.) «Все **статьи, которые должны быть переведены,** отправляли ему на дом с посылным и через пару часов они были готовы.»

Как было сказано ранее, как и форма –dik, -AcAk обладает синтаксической функцией, способная выступать в качестве любого члена высказывания: подлежащего, определения, прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельства, сказуемого.

Ниже приведены примеры форм, выступающих в качестве прямого, косвенного дополнений и подлежащего:

1. Benimle eğlen**eceklerini** zannetmiştim! (информант) «Я думал, что вы со мной **будете развлекаться!**» (прямое дополнение)
2. Ancak, şimdi, bütün eski günleri, hiçbir heyecan duym**ayacağımdan** emin olarak, bir kere daha yâd etmek isteyince, onun çehresini aramış, fakat bulamamıştım (S.A. КММ. 129.) «Но теперь, когда я хотел еще раз вспомнить все былые дни, будучи уверенным, что **не почувствую** никакого волнения в душе, я искал ее лицо, но не мог его найти.» (косвенное дополнение)

Форма –(y)AcAk в атрибутивном использовании, как и форма –Dık может функционировать в роли определения в составе изафетных конструкций:

1. Ülkede korkunç bir hastalığın üçüncü dalgasının başlayacağı haberi (информант) «Новость о том, что в стране начнется третья волна страшной болезни.»
2. Türk Cumhurbaşkanı'nın öğretmen ve doktor maaşlarını yükselteceği söylentisi (информант) «Слух о том, что президент Турции собирается повысить зарплаты учителям и докторам.»

III. Субстантивно-адъективная форма – (y)Ası

В современном турецком языке форма –(y)ası встречается довольно редко. В прошлом, в языке староанатолийско-тюркских письменных памятников, она функционировала как чрезвычайно употребительная форма, имевшая временное значение будущего действия.³¹ В современной турецкой речи данная форма, являющаяся синонимом форме –(y)асак, рассматривается анахроничной, практически полностью вытесненной формой. Данные формы функционируют как в формах категории принадлежности, так и вне ее не способна присоединять аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа. Атрибутивные конструкции с наличием этой формы, как правило, вне категории принадлежности указывают на невежливые смыслы (проклятья, ругательства)³². Форма –(y)Ası также выполняет синтаксическую функциональность в высказываниях.

Примеры субстантивного употребления формы:

1. Göz kör olası kardeşim (информант) «Чтоб тебе ослепнуть, братец.»
2. Kuruyası dilin sürekli konuşuyor (информант) «Да отсохнет у тебя язык, который вечно болтает.»

³¹ Гузев В.Г. Староосманский язык. – М.: Наука, 1979 г. – С. 70.

³² Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 78.

Глава 3. Масдары

2.1. О понятии имя действия

В турецком языке есть формы -mA, -mAk, -(y)Iş, в качестве продуктивных форм, и о довольно редко встречающейся форме с показателем –mAklık, которые по-разному трактуются исследователями. Многие учёные считают, что эти формы представляют собой форму инфинитива³³ (см., например, А. Н. Кононов), другие, как, например, В.Г. Гузев, называют их именами действия (масдарами),³⁴ третьи, как например Э. Гениш, - отглагольными именами существительными.³⁵ Важно отметить, что наличие в исследовательской среде разнообразия мнений, касающихся этих форм, связано, во-многом, с тем, что в течение долгого времени строй тюркских языков в целом, и отдельные его категории, в частности, рассматривались в сравнении с грамматическими особенностями индоевропейских языков. Анализ синтаксиса, морфологии и других подсистем языка до сих пор нередко может происходить через «накладывание» восточных языков на индоевропейские языки. Тем не менее, существует и объективные причины для имеющихся трудностей в анализе и интерпретации вышеупомянутых форм, которые проистекают из их сложной функциональной природы, заключающейся в наличии у этих форм как признаков глаголов, так и существительных одновременно.

Глагольные формы с показателями -mA, -mAk, -(y)Iş, –mAklık в настоящей работе по терминологии В.Г. Гузева трактуются в качестве масдаров или имен действия. По мнению ученого, они представляют собой «морфологические формы, служащие средством выражения «опредмеченного» действия, т.е.

³³ Кононов. А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Ленинград: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 454-470.

³⁴ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С. 154-159.

³⁵ Гениш Э. Грамматика турецкого языка. – М.: ЛКИ, 2008 г. – С.160-169.

действия, которое оперативно, при наличии коммуникативной потребности, представляется как предмет»³⁶,

Имя действия, с одной стороны, сохраняет характеристику глагола, с другой стороны, обладает субстантивным (предметным) значением, что в свою очередь позволяет отождествлять его с существительным, и вполне может называться глагольной субстантивной формой. Следовательно, что эти формы обладают свойствами, характерными и для глаголов, и для имен существительных.

Рассуждая об именных свойствах масдаров, следует указать на то, что по своему языковому значению они выражают «опредмеченное» действие, т.е. «действие, временно представляемое как предмет».³⁷

В некоторых тюркских, как, например, в кумыкском языке, масдары имеют временные значения. Такие формы либо сигнализируют о следовании действия за периодом ориентации (будущее время), либо указывают на одновременность с основным действием (настоящее время).³⁸ Однако, что касается масдарных форм турецкого языка, то в них не закреплено временное значение.

В результате анализа возможно заключить, что имена действия в исходных формах не имеют агентивного значения, т.е. в их значении нет информации о производителе действия (агенса). В подтверждение вышесказанному приведены следующие примеры:

Sevmek ve sevilmek nadir ama güzel hisdir. (информант) «Любить и быть любимым это редкое, но прекрасное чувство.»

³⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С. 42.

³⁷ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 43.

³⁸ Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). – Махачкала, 1998 г. – С. 63.

Bir şey söylemek gereği var. (информант) «У него есть необходимость(нужда) сказать что-нибудь.»

Опираясь на выше приведенные примеры, можно заметить, как единицы, связанные с действием, выраженным формой масдара, güzel hissidir «это хорошее чувство, gereği (необходимость) (в форме принадлежности 3-го лица единственного числа, не содержат в себе информации о производителе действия. Соответственно, нужно отметить, что имена действия индифферентны к этому значению. В связи с этим к масдары, в которых отсутствует залоговая сема, в случае коммуникативной необходимости указать на производителя действия, принимают аффиксы принадлежности:³⁹ bizim oraya taşınma+mız sebebi «Причина, по которой мы переехали туда». В турецком языке среди глагольных именных форм сема агентивности, по всей видимости, присутствует только у причастий.

2.2. Частные особенности имен действия

Имя действия –mAk

Масдар -mAk является самым распространенным именем действия из всех вышеупомянутых форм. «Имя действия -mAk, как представляется, имеет своим значением наиболее абстрактный образ действия, что находит свое выражение в его несколько ограниченной морфологии: оно способно выступать только в формах «основного» местного и исходного падежей, а также, возможно, винительного, дательного (при этом современные турецкие грамматисты считают формы винительного и дательного падежей формами масдара -mA); оно не способно функционировать в формах категории принадлежности и категории множественности.»⁴⁰ Такие признаки позволяют многим ученым таким, как Н.

³⁹ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С. 45

⁴⁰ Там же.

К. Дмитриеву,⁴¹ А. Н. Кононову⁴², Б. А. Гаджиевой и Н. З. Серебрянникову⁴³, уподоблять масдар –mAk инфинитиву. Согласно точке зрения А.Н. Кононова, «аффикс – mAk – как продуктивная форма – в турецком языке (как и в других тюркских языках «огузской группы») является показателем инфинитива, в котором «наряду с названием действия (yazmak “писать”, okumak “читать”, gelmek “приходить”) содержится указание на акт, процесс действия (yazmak “акт, процесс писания, писание).»⁴⁴ Ученый считает, что данная глагольная форма, трактуемая как инфинитив, отличается от других имен действия (-ma, -mAk, - mAklık, -(y)ış) отсутствием возможности принимать аффиксы принадлежности, множественного числа и родительного падежа. Более того, как и А.Н. Кононов, Б.А. Серебрянников полагает, что значение инфинитива -mAk развилось на базе значения отглагольного имени –mAk (казах. ilmek “крючок” – то, на что можно вешать). Таким образом, это модальное значение и было использовано для создания инфинитива. Однако, как будет показано ниже, в некоторых тюркских языках, в частности в турецком языке, едва ли возможно говорить о наличии инфинитивов.

Первое, что следует отметить, – это способность масдара -mAk функционировать в простой форме, не присоединяя аффиксов каких-либо именных словоизменительных категорий:

1. Şunu da itiraf ederim ki kalbimin dertlerini, başımın sergüzeştlerini anlatmak için yanıyorum. (НА, 17) «И признаюсь, я горю, чтобы рассказать о печали моего сердца и о приключениях, которые произошли со мной.»
2. Hüseyin’in ailesiyle görüşmek için Mardin’e uçakla gittiğimde, Suriye sınırında zamanın içinde kaybolmuş bu antik kent yine kızıl bir toz altındaydı. (ZL, 18)

⁴¹ Дмитриев Н.К. Турецкий язык. – М.: Восточная литература, 1960 г. – С. 54.

⁴² Кононов. А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Ленинград: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 454-470.

⁴³ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986 г. – С. 233.

⁴⁴ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 114.

«Когда я прилетел в Мардин, чтобы **встретиться** с семьей Хусейна, эта старая деревушка, потерянная во времени на границе с Сирией, снова была под золотистой пылью.»

3. Sonra beni sorular içinde bırakıp gitti, zaten ondan sonra da Hüseyin'i bir daha **görmek** kısmet olmadı. (ZL, 39) «Затем он оставил меня с вопросами, и после этого мне больше не суждено было **увидеть** Хусейна.»
4. Kendi keyfin de düşün**mek** var. (информант) «Нужно **думать** и о своем удовольствии.»

Масдар –mAk, служащий средством выражения «опредмеченного» действия, способен функционировать в высказываниях в субстантивных синтаксических ролях, например, (1) сказуемого, (2) подлежащего и (3) дополнения:

1. Bunlara lakırdı anlatamayınca yapılacak şey bu romanı kağıt üzerine ko**ymaktan** sarfinazar etmektir. (HA, 14) «Не поделившись с ними сплетнями, единственное, что нужно сделать – это **отложить** все, вместо того чтобы писать роман.» (сказуемое)
 2. Güzin'i anl**amak**, biraz önce burada öten bu beylerin birine nasip olacak bir mutluluk mudur acaba? (MR, 20) «Интересно, **понять** Гюзин – это счастье, которое выпадает на долю одного из молодых людей, говоривших здесь?» (подлежащее)
 3. Canımın fena halde içki istediğini fark ediyorum, acımadım ama içki iç**mek** istiyorum. (ZL, 27) «Я понимаю, что, когда моя душа болит, она требует алкоголя, я не голоден, но хочу выпить.» (прямое дополнение)
- Fakat uçtuğum tayyarenin üstünde bir İngiliz tayyere filosu dolaşıyor ve tam karnımın üstüne bir bomba at**maya** çalışıyordu. (HA, 63) Однако над самолетом, на котором я летел, летел воздушный флот Англии и пытался **скинуть** бомбу прямо на мой живот.» çalışıyordu (косвенное дополнение)

Также нельзя забывать, что масдары способны выступать в качестве определения в составе второго изафета: Bunların anlamak problemleri var. (информант) «У них проблемы с пониманием.»

Примечательно, что в турецком языке масдары, которые не принимают показатели множественности и принадлежности, могут выступать в формах местного (1) и (2) исходного падежей. Более того, возможны (3) имена действия способный выступать с послелогом.

1. Bunu yapmaktan ne var? (информант) «Что такого в том, чтобы это сделать?» (местный падеж)

Eğer kıızı bulur da evlenmekte ısrar ederse ikisini birden vuracaklarmış (ZL, 51) «Поговаривали, что, если бы он нашел девушку и настоял на том, чтобы сыграть свадьбу, их бы обоих убили.» (в форме местного падежа)

2. Güzin, kendine layık bir erkek bulamaktan benim gibi harap bir varlık. (MR, 20) «Гюзин от того, что не может найти себе подходящего парня, она, как и я является опустошенным существом.» (исходный падеж)

Ayşe onları hem acımdan, eğlenmekten, hem de himayekâr bir tavır almaktan men ediyordu. (HA, 45) «Айше запретила им жалеть, веселиться и занимать позицию защищающего.» (в форме исходного падежа)

3. Bu tarifsiz, kaybedilmiş şehir duygusundan kurtulmak için, ünü İstanbul'a kadar gelen Cerciz Murat Konağı'na gidiyorum. (ZL, 29) «Чтобы избавиться от этого неопишуемого, утраченного чувства города, я еду в особняк Серчиза Мурата, чья репутация восходит к Стамбулу.» (послелог)

Как исходит из вышеприведенных примеров, важно еще раз подчеркнуть способность масдаров функционировать в высказываниях в качестве дополнения или обстоятельства.

Однако, данные формы часто отождествляют с инфинитивом. Как известно, в индоевропейских языках инфинитив – это «именная форма глагола, представляющая данное действие (состояние, процесс) в наиболее отвлеченном

виде, т. е. безотносительно к категориям лица, времени, числа и наклонения; форма, обозначающая действие (состояние, процесс) само по себе, вне связи с его субъектом.»⁴⁵ Например, I want to play football right now «я хочу сыграть в футбол прямо сейчас.» В указанном примере to play выступает в качестве инфинитива, который по определению не может принимать какие-либо грамматические показатели.

Фактический материал турецкого языка позволяет сделать вывод, что в этом языке отсутствуют формы, сходные с инфинитивом, и все глагольные именные формы, обладающие конкретным словоизменительной семой, способны изменяться, т.е. могут принимать аффиксы других словоизменительных категорий. Это относится и к форме с показателем -mAk, хотя в некоторых сочетаниях она ведет себя как неизменяемая форма, например, в сочетании со смысловым глаголом istemek «хотеть, желать, просить». В сочетании с этим глаголом, первый элемент, как правило, не принимает падежные показатели: gezmek istiyorum «я хочу гулять».

Имя действия -mA

Имя действия –mA – это продуктивная масдарная форма в турецком языке, которая, по-видимому, в сравнении с масдаром –mAk обладает менее абстрактным значением, выполняет в высказываниях более разнообразные синтаксические функции и имеет способность выступать в формах категории множественности, склонения и принадлежности и сопрягаться с послелогом. Э. Гениш, опираясь на вышеупомянутые свойства глагольных форм, утверждает, что «слова, образованные аффиксом -ma следует называть полноценными именами существительными, способными принимать все именные словоизменительные аффиксы.»⁴⁶ Однако, автор настоящей работы не может согласиться с данной точкой зрения, т.к. форма -mA по-прежнему сохраняет

⁴⁵ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966 г. – С. 175.

⁴⁶ Гениш Э. Грамматика турецкого языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2008 г. – С. 228.

глагольное управление и неизменное значение действия, что дает право опровергнуть формулировку, предложенную Э. Генишем. Более того, если рассматривать категорию статуса в отношении «полноценного имени существительного», то следовало бы полагать, что отрицание будет образовываться с помощью частицы “değil”.

Согласно грамматике А.Н. Кононова, глагольная форма -mA трактуется как усеченный инфинитив.⁴⁷ Но как было сказано ранее, понятие «инфинитив» – это неизменяемая абстрактная форма глагола, при котором невозможно определить ни время, ни лицо, исполняющее действие, что же касается формы с показателем –mA, то семантически она является более конкретной формой, чем масдар –mAk, так как способны выступать в категориях принадлежности:

1. Bir ara başını kaldırdı Lütfiye baktı, Lütfiye bakmasıyla elinin şalvar cebine girmesi bir oldu. «Через какое-то время он одновременно посмотрел на Лютфи и засунул руку в карман.
2. Ben öyle güzel bir kadın değilim, o derece yakınlık göstermenizin anlamı ne? (информант) «Я не такая красивая девушка, в чем смысл Вашего проявления такой близости?»
3. Hayatları sahiden zor ama birçare Hüseyin binlerce insana nasıl derman olsun, yine de elinden geleni yarmaya çalışıyor, çırpınıyor, kendini paralıyordu. (Z1, 34) «Их жизнь действительно тяжелая, но, как бедному Хюсейну стать лекарством для них, но он все же делает все, что в его силах, борется, прилагает все усилия.»

Помимо категории принадлежности, масдарная форма -mA взаимодействует и с другими словоизменительными категориями: множественности (1), склонения (2). Кроме того, данная форма может функционировать с послелогом:

⁴⁷ Кононов. А. Н. Грамматика турецкого литературного языка. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956 г. – С. 257.

1. Ben de hayal meyal hatırlıyorum, o bebek ağla**maları** arada sırada aklıma geliyor. (Z.L. N. 46). «Я тоже смутно помню те детские **плачи**, которые время от времени мне вспоминались.» (в форме множественности).
2. Hayır, soğuyan bir kalbi ne yararsak yaralım geri al**manın** imkansız olduğunu bilmek kadar kalbi harap eden başka bir ümitsizlik yoktur. (M.R. VAT. 47.) «Нет, нет другого отчаяния, которое опустошает сердце так же, как знать то, что **вернуть** остывшие чувства, как бы мы ни старались, невозможно.» (в форме родительного падежа)
Sefatlere giderken biraz yadırgadıkları için hiç olmazsa kapısına kadar İhsan'ın kendilerine refakat et**mesini** rica ederler. (H.E.D. AG. 34) (в форме винительного падежа)
Demek ki bahar, onda da hayatın yeşer**mesine** sebep olmuş olacak,” diye söyledi. (M.R. VAT. 47.) «"Значит, весна заставит жизнь **цвести** и в ней", - сказал он.» (в форме дательного падежа)
3. Büyüklükler de bunu bilm**elerine rağmen** hiç yüzümüze vurmazdı, hatta iftar sofrasında bize de Allah kabul etsin evladım derlerdi. (Z.L. N. 28) «**Хотя** родители **знали** это, они не упрекали их, даже во время ифтара говорили: «Сынок, да примет Аллах твой пост.» (послелог)

В соответствии с вышеуказанными примерами, можно убедиться в том, что ошибочно интерпретировать масдарные формы, как инфинитив. Данные грамматические формы взаимодействуют со словоизменительными категориями, что позволяет автору подчеркнуть изменяемость данных форм.

Имя действие с показателем -mA способно выполнять различные синтаксические функции в высказывании и выступать в качестве (1) сказуемого, (2) подлежащего и (3) дополнения:

1. Oysa işin en önemli noktası, onun iki ay gece gündüz benimle vakit geçi**rmesiydi**. (M.R. VAT. 23.) «Но самым важным моментом было то, что

он провел со мной дни и ночи напролет в течение двух месяцев.»
(сказуемое)

2. Eski arkadaşlarımı bulmam zor olmaz herhalde. (Z.L. H. 29) «Думаю, мне не составит труда найти старых друзей.» (подлежащее)
3. Nihayet bir sabah İstanbul'a gitmek için iskeleye indim vapurun gelmesini bekliyordum. «Наконец-то как-то утром, чтобы доплыть до Стамбула, я спустился к пристани и ждал прибытия парохода.» (прямое дополнение)
Hastalığından uzun uzun bahsediyor, hasta ve tedaviye muhtaç bir kızın böyle dikkat çekebilmesine hayret ediyor. (M.R. BAT. 24.) «Она долго говорит о своей болезни, и он удивляется тому, что больная и нуждающаяся в лечении девушка может привлечь такое внимание.» (косвенное дополнение)

Глагол, выраженный масдарной формой –mA, может функционировать в в определительных сочетаниях, т.е. изафетов:

1. В составе изафета третьего типа:

Bu dinginlik, sözlerin, eylemlerin böyle kesilmesi, hem de bu kadar uzun sürmesi Esmeyi korkutuyor, Esmeye korkusunu da oğluna söylüyordu. (H.E.D. AG. 47) «Эта безмятежность, такое внезапное прекращение речей и действий, и к тому же то, что это длилось так долго, пугало Эсму, а Эсма о своем страхе ведала своему сыну.» (в роли определяемого)

2. В составе изафета второго типа:

Günlerce bebek ağlaması dinlemiş köylüler, gözyaşı dökme ama çaresiz kalmışlar. (Z.L. H. 28) «Жители деревни, которые целыми днями слушали детский плач, плакали, но были беспомощны.» (в роли определяемого)

Имя действия –(y)Iş

Это продуктивная, однако не такая производительная форма, как форма – mA. Однако масдар - (y)Iş обладает значением, указывающим на большую опредмеченность действия, в отличие от других масдарных форм.⁴⁸ Соответственно, «эта его особенность проявляется в более сильной склонности к субстантивации. (т.е. наличие в турецком языке большого количества существительных типа giriş «вход», çıkış «выход» и т.п.», которые исторически представляли собой словоформы с показателем глагольного имени - (y)Iş и претерпели процесс лексикализации. В синхронии современного турецкого языка такие образования воспринимаются как самостоятельные имена существительные., обозначающие манеру, способ совершения действия или предмет, результат действия.⁴⁹

Некоторые тюркологи относят данную форму к «именным словообразовательным аффиксам, прибавляющимся к глагольной основе».⁵⁰ Однако факт того, что форма -(y)Iş (за исключением лексикализовавшихся форм) наряду с другими масдарами сохраняет за собой глагольное управление и глагольный способ отрицания, позволяет автору настоящей работы не согласиться с данной позицией. Соответственно, следует вновь подчеркнуть, что рассматриваемая форма продолжает оставаться в рамках глагольного словоизменения и относится не к словообразовательной категории, а к словоизменительной категории номинализации действия.

Данная масдарная форма может функционировать в роли (1) сказуемого, (2) подлежащего и (3) обстоятельства.

1. Bu bakış dünyanın en güzel bakışlardan biri idi. (информант) «Этот **взгляд** – это был один из красивейших взглядов.»

⁴⁸ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С. 157.

⁴⁹ Кононов. А. Н. Грамматика турецкого литературного языка. – Л.: Академии наук СССР, 1956 г. – С. 472.

⁵⁰ Гениш Э. Грамматика турецкого языка. – М.: ЛКИ, 2008 г. – С. 126.

2. Nasıl desem, çok önemli bir sır taşıyor ama anlatmak istemiyor gibi merak uyandıran bu bakışlar. (Z.L. N. 29) Как бы это сказать, он хранит в себе очень важный секрет, однако эти загадочные **ВЗГЛЯДЫ**, словно не хотят ничего рассказывать.
3. **Gidişinle** deprem oldu sanki. (информант) «С твоим **УХОДОМ** словно землетрясение началось.»

Более того, данная форма выражает действие, способное, с синтаксической точки зрения, функционировать как в роли определения, так и определяемого в составе изафета третьего (1) и второго типа (2):

1. **Gelişinin** sebebi ne. (информант) «В чем причина твоего **приезда?**» (в функции определения)
2. Bunun yanında o döneme ait İstanbul yaşantısı, gençlerin davranış biçimleri ve Büyükkada hakkında okura ipuçları vermiştir. (M.R. VAT. 23.) «Кроме того, он дал читателям наводки о жизни в Стамбуле того периода, **поведении** молодежи и Бююкаде. (в функции определения)
Nem masum bir çocuk gülüşü, griye bürünmüş hayatlarını aydınlatmaz mı. (Z.L. N. 28) «Кроме того, разве **улыбка** невинного ребенка не раскрасит их серую жизнь.» (в функции определяемого)

Следует отметить, что масдар -(y)İş может выступать в форме любой субстантивной словоизменительной категории: принадлежности (1), падежа (2) и в сочетании с послелогоми:

1. Ne tuhaf bir görünüşü -ya da karakteri- olmalıydı bu kızın ki, her göreni cin çarpmışa çeviriyordu. (Z.L. N. 28) «Какая странная **внешность** - или характер - должна была быть у этой девушки, которая превращала каждого встречного в джинна.» (в форме принадлежности)
2. Çelik çomak oyunu oynarken hayal ettim ve âdeta sopanın ucunu elimde hissetmem, bende bir geri dönüşe yol açtı. (Z.L. N. 28) «Когда я играл в игру

Гиллиданда, я замечтал и, по обыкновению, чувство того, что я держу в руках игральную палку, возвращало меня в прошлое.»

Namazın son oturuşunda ne söylenir? «Что говорят, когда совершают присест по время намаза?» (в форме местного падежа)

Глава 4. Причастия

4.1. О понятии причастия

Вопрос о причастиях является спорным в тюркском языкознании, т.к. нет единого подхода к изучению состава, функций и семантики причастных форм в тюркских языках. Однако вопрос о происхождении причастий не является спорным, т.к. «согласно широко распространенной среди тюркологов точке зрения, причастия восходят к отглагольным именам с довольно диффузным значением.»⁵¹

Причастия в общем языкознании имеют различные трактовки: с одной стороны, они интерпретируются, как часть класса лексем прилагательных (А. Востоков⁵²), с другой стороны, причастия относят к самостоятельной части речи (В.А. Богородицкий), либо воспринимают ее как часть глагола. Но, несмотря на все существующие определения причастия, неизменным остается лишь то, что оно обладает признаками глагола и имени прилагательного. «Причастие – это особая гибридная глагольно-адъективная форма, подчеркивающая совмещение в нём признаков глагола и прилагательного» – пишет В.В. Виноградов.⁵³ Аналогичную точку зрения высказывает О.С. Ахманова: «причастие – это именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действия (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени.»⁵⁴

⁵¹ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986 г. – С. 219.

⁵² А. Х. Востоков Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете. – Спб., 1820 г. – С. 212.

⁵³ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Русский язык, 1972 г. – С. 250.

⁵⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966 г. – С. 352.

В настоящей работе под термином «причастие» понимается именная форма глагола, оперативно представляющая действие в виде признака.⁵⁵ Важно подчеркнуть, что сема признака отождествляет причастия с именем прилагательным. Соответственно, первые способны выполнять синтаксические роли, представляющие собой приименные определения и именные предикаты.⁵⁶

Как правило, причастия классифицируют либо, опираясь на морфологические критерии, либо по функциональному признаку. Причастия в турецком языке, исходя из грамматической семантики, по мнению Ю. Немета, можно разделить на несколько групп: перфектные (определенные -dık, неопределенные -miş), имперфектные (-an, -r, -yor) и инстантные (форма -acak).⁵⁷ Аналогичный подход использовал А.Н. Кононов, по мнению которого в языке памятников рунической письменности причастия можно соотносить с настоящим, прошедшим и будущем временами.

Согласно другому подходу, тюркские причастия рассматриваются согласно тем функциям, которые они выполняют в высказывании. Так, С. Н. Иванов причастия в зависимости от различий в наборе функций делит на атрибутивные (-an), атрибутивно-предикативные (-ar, -miş), атрибутивно-субстантивные (-dık) и атрибутивно-субстантивно-предикативные (-acak) формы.⁵⁸ «Это разделение функций у причастий отражается и в различиях сочетания их с определяемыми, - пишет С.Н. Иванов, - причастия с показателями -an, -ar, -miş являются формами присубъектного определения, т.е. сочетаются с определяемым, которое обозначает субъект действия, выраженного причастием; причастие с аффиксом -dık представляет собой форму определения (с притяжательным оформлением) при определяемых со значениями объекта (прямого и косвенного), места и времени действия; причастие с формантом -acak

⁵⁵ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 81.

⁵⁶ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 82.

⁵⁷ Nemeth J. Türkische Grammatik. – Berlin; Leipzig., 1916 г. – S.126.

⁵⁸ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 86.

допускает те же типы определяемых, что и причастие –dik, но может, кроме того, быть и присубъектным определением.»⁵⁹

Также нельзя не отметить, что причастия вне категории залога содержит информацию о производителе действия. Так, на примере ‘giden insan’, ‘çürümüş ekmek’ можно увидеть, что первые компоненты определительных конструкций, т.е. определения, содержат в себе информацию об агенсе действия. Именно агентивное значение, которое выражает такое отношение между действием и субъектом этого действия, при котором субъект есть производитель действия, является одной из отличительных черт причастий от субстантивно-адъективных форм, о которых было сказано выше.

По мнению некоторых тюркологов, одной из специфических черт в области морфологии турецкого языка является то, что в тюркском формообразовании не существует «нулевой формы».⁶⁰ Иначе говоря, когда отсутствует аффикс категории, нет и категориального значения, из чего можно сделать вывод, что при в турецком глаголе при не употреблении морфологического показателя, отсутствует значение действительного залога. Однако в форме причастия присутствует агентивное значение при отсутствии в нем какой-либо семы залога. Если основываться на том, что в тюркском формообразовании отсутствует нулевая форма, то наличие в трех причастиях (-mİş, -(A/I)r (mAz) -(y)An) агентивного значения подтверждает, что эта сема является обязательным компонентом причастия в турецком языке.⁶¹

Так, в турецком языке причастие -(y)An, которое функционирует в определительных конструкциях в роли определения, может не содержать информации об агенсе действия:

⁵⁹ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 35.

⁶⁰ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С.151.

⁶¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 82.

Ölünün akrabaları giren bir eve bakıp durdum (информант) «Я долго смотрел на дом, в которую входили родственники покойного.» (как видно из примера, называемый определяемым (ölünün akrabaları «родственники покойного») является объектом действия, который выражается основой глагола (giren «входящий»)).

По мнению В.Г. Гузева, способность причастий называть лицо, совершающее действие, выраженное причастной формой, можно считать наиболее значительной отличительной чертой функциональной специализации этих форм. Кроме того, как и прилагательные, причастия способны субстантивироваться, т.е. функционировать в высказывании в роли существительного. Именно в таких коммуникативных ситуациях можно заметить четкое проявление лица, совершающее действие.⁶² Например, Yaradan Бог, okur yazar “грамотный”, çalar saat “будильник”.

Как и прилагательные, причастия, указывая на признак предмета, являются предметом-носителем признака. В таких ситуациях они также выступают в высказываниях как субстантивы:

Auşeye tabakasından tütün verenin yüzü, nişan almış bir adam guruyla etrafına bakınıyordu (Н.Е.А. АГ. 79.) «Лицо того, кто **раздавал** табак со своей тарелке, оглядывалось вокруг гуру целеустремленного человека.»

Ondan dolayı Auşenin gözünde bütün İzmire doğru gidenler için yanan ateş İhsan için de yanıyor (Н.Е.А. АГ. 79.) «Из-за этого в глазах Айши горит для Ихсана огонь, который также горит для всех тех, кто **направляется** в Измир.»

Bunu ayakta iki nefere dayanmış iki gözünden yaralı bir zabıt söylüyor (Н.Е.А. АГ. 180.) «Офицер, который получил ранение в два глаза, это говорит двум **стоящим** на ногах людям.»

⁶² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Ленинградский университет, 1990 г. – С.126.

Частные особенности причастий

1.1. Причастие –mİş

Происхождение данной формы по-разному трактуется в тюркских языках. Исследователь Н. К. Дмитриев «возводит данный аффикс к самостоятельному монгольскому слову -mal/-mel, где монгольским гласным -а, -е соответствуют тюркские гласные -ı, -i, звуку l – ş.»⁶³ Однако, согласно мнению А. Н. Кононов, данная форма включает в себя две единицы: -im + is. Причастие -mİş – это именная глагольная форма, репрезентирующая действие, выраженное основой глагола, в образе признака, в семе которой есть результат этого действия.⁶⁴ Такая особенность позволяет некоторым ученым полагать, что данная причастная форма «выражает прошедшее время».⁶⁵

Kocaman bir levhanın üzerinde mavi ampullerle yazılmış “Atlantik” kelimesi bir yanıp bir sönyordu (S.A. КММ. 137.) «Слово “Atlantik”, написанное синими лампочками на огромной вывеске, то загоралось, то потухало, то зажигалось.»

Согласно точке зрения С.Н. Иванова, атрибутивные формы причастий обладают тем же спектром грамматических сем, что и формы глагольных временем. Соответственно, «причастная форма –an, -mİş, -acak выражает динамический характер, - пишет С.Н. Иванов, - а формам –ar, -mİş свойственны качественные значения.»⁶⁶

Также важно отметить, что причастная форма -mİş способна функционировать в роли предиката: уточняемого (1) или уточнения (2).

1. Üstü kömürle örtülmüş iki dolu çuval eşyamız vardı. «У нас было два полных мешка с вещами, покрытых углем.» (в роли определения)

⁶³Дмитриев Строй тюркских языков. М., 1962. С. 606.

⁶⁴Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 82

⁶⁵ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 472.

⁶⁶ Там же.

2. Ağlamaktan gözleri şişmiş sanki Как можно заметить из приведенных примеров, причастия могут иметь формы страдательного залога, причем сема залога не зависит от значения определяемого и функционирует здесь в неопределенно-личном значении:

1.2. Причастие -(y)an

Причастная форма -(y)an - это продуктивная и производительная форма в турецком языке, которая в научной среде вызывает сложности в отношении истории своего развития. Исследователи Б.А. Серебрянников и Н.З. Гаджиева считают, что аффикс данного причастия состоит из двух элементов, один из которых представляет собой аффикс древнего отглагольного прилагательного, который выражает результат действия - аффикс *n*.⁶⁷ «Об этом свидетельствуют отглагольные прилагательные на *-in/in*, от которых образовались отглагольные имена существительные типа азерб. *uğın* ‘куча’.»⁶⁸ Исследователи пишут, что для образования причастия *-an*, которое выражает признак действия небудущего времени, к аффиксу отглагольного прилагательного *-n* присоединяется показатель настоящего времени *-a*. Другую точку зрения высказывает А.Н. Кононов, который возводит данную причастную форму к аффиксу *-kan*, продуктивному во многих тюркских языках.⁶⁹

Причастие -(y)an в современном турецком языке выражает действие в настоящем и в прошедшем временах, т.е. функционирует в виде признака небудущего времени, т.е. в прошедшем (1) и в настоящем (2) временах.

1. **Oturan** ve ayakta duran insanlara çarparak bir salondan öbürüne koştum (информант) «Натыкаясь на сидевших и стоящих людей, я перебежал из одного зала в другой.»

⁶⁷ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986 г. – С. 219.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 473.

2. Yemek yemeden yemiş yemek istiyen çocuklar gibi hep sonunu söylemek istiyorum (Н.Е.А. АГ. 18.) «Как дети, которые, не поев, хотят есть дыню, я всегда хочу рассказать конец.»

1.3. Причастие –Ar\-mAz

В древних памятниках сема отглагольных прилагательных с аффиксом –Ar\-mAz, должно быть, выражала динамический признак.⁷⁰ Вследствие этого данный аффикс был создан для передачи настоящего-будущего времени. Таким образом, причастие –(A\I)r в современном турецком языке – «это именная глагольная форма, которая представляет как признак постоянно, длительно или многократно совершающееся действие, либо действие, мыслимое»⁷¹ безотносительно времени:⁷² anlatılmaz bir şekilde düşünüm oldu (информант)т «моя свадьба прошла так, что не описать словами.»

Более того, нельзя не отметить, что отрицательная форма исследуемого данного причастия еще в староосманском языке образуется с помощью показателя –maz/mez. Пример:

İster istemez bu vilayetli yeğenin yüzüne bakmaya mecbur oldum (Н.Е.А. АГ. 20.)
«Волей-неволей я была вынуждена смотреть на племянника из вилайета.»

Как уже было отмечено ранее, причастия способны субстантивироваться, т.е. совершается семантическая операция опредмечивания действия. Примеры:

Onun büyük geliri onun her yıl Almanya`da masraflarını karşılıyor (информант) «Его большой доход покрывает все расходы в Германии.»

⁷⁰ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986 г. – С. 220.

⁷¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 82

⁷² О. Н. Бётлингк О языке якутов. – Новосибирск, 1989 г. – С. 400.

Beş saat çalıştıktan sonra yazar kasam bozuldu (информант) «Моя пишущая машинка сломалась после того, как я поработал на нем 5 часов.»

Глава 5. Деепричастия

Понимание понятия «деепричастие», как и некоторых других единиц, в современном теоретическом языкознании формируется на базе понятийного аппарата индоевропейских языков, в которых эти морфологические средства представлены довольно бедно. «Все те языковые средства, которые должно было бы принять за деепричастия, например, в немецком, английском или французском языках, вполне могут быть истолкованы как причастия, употребляемые в обстоятельственной функции», – пишет В.Г. Гузев.⁷³ Действительно, аналогичные морфологические средства, которые выражали бы деепричастную функцию без адъективных признаков, отсутствуют в индоевропейских языках. Автор настоящей работы разделяет взгляды В.Г. Гузева и считает, что в данных языках либо не прослеживается грань между причастиями и деепричастиями, как, например, в английском языке, либо считается невозможным назвать ту или иную форму полноценным деепричастием, как, например, в немецком и французском языках. Иначе говоря, в упомянутых языках наличествуют глагольно-именные формы, которые, во-первых, наряду с субстантивными и адъективными функциями могут обладать адвербиальной функцией, во-вторых, морфологически сложно отличимы от имен действия. Таким образом, стоит вопрос корректности определения данных образований: трактовать их как многофункциональные формы или как омонимичные.

Если рассмотреть деепричастные формы на материале русского языка, то здесь, в отличие от вышеупомянутых языков, морфологические средства ярко выделяются как особые формы. В современном русском языке продуктивными средствами, образующими деепричастия, являются

⁷³ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С.168.

суффиксы - а,-я (например, «гуляя», «отвечая», «крича») и суффиксы – в(ши) (например, «скрыв», «прогулявшись», «сделав»).

Так, согласно точке зрения В.В. Виноградова, деепричастия представляют собой гибридную форму глагола, которая содержит значения глагола и наречия.⁷⁴ Из данной трактовки следует, что ученый относит деепричастия к гибридной наречно-глагольной категории и рассматривает их в составе наречий.

Автор настоящей работы не может не согласиться с изложенным выше мнением. Положения, в которых В. В. Виноградов ясно выразил сущностные свойства деепричастия, следующие: 1) быть адвербиальной формой глагола, т.е. обозначать действие, воспринимаемое коммуникантом как обстоятельство, при котором совершается другое действие; 2) способность при необходимости к лексикализации и пополнению класса наречных лексем. Здесь также будет целесообразно упомянуть трактовку, предложенную В.Г. Гузевым, которая отражает сущность деепричастий: «категория деепричастий представляет собой совокупность форм, объединяемых однородными значениями обстоятельств, в качестве которых выступают действия, или, иными словами, действий, окказионально представляемых в виде разного рода обстоятельств.»⁷⁵ Иначе говоря, важным является то, что «действие, выраженное деепричастием, представляется говорящим в образе действия.»⁷⁶ Итак, первое важное заключение, которое нужно сделать: под деепричастием, прежде всего, понимается некая глагольная форма, функционирующая как действие-обстоятельство.

⁷⁴ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Русский язык, 1972 г. – С.308.

⁷⁵ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015 г. – С.126.

⁷⁶ Там же.

Более того, следует отметить, что многочисленные глагольные формы, входящие в категорию деепричастия, лишены агентивной семы, а некоторые из этих форм имеют временную сему. Однако важно отметить, что в значении таких форм «время протекания действия, называемого основой деепричастия, соотносится со временем протекания действия, выражаемого исходными основами глаголов, выступающих в функции уточняемого.»⁷⁷ В сравнении с временными семой финитных форм в деепричастиях нет абсолютных временных значений, т.е. таких, которые функционируют соотносительно с моментом или периодом ориентации глагольной категории времени изъявительного наклонения.⁷⁸ В соответствии с этим, временные семы указывают на действие, либо совершаемое одновременно с уточняемым действием, либо предшествующее ему или следующее за ним.⁷⁹ Только самая небольшая часть деепричастий имеют временные значения, которые в целом должны быть охарактеризованы как таксисная семантика.

Под термином «таксис», который был впервые описан Л. Блумфилдом (1887-1949), понимается связь двух явлений друг с другом (ранее принятый в лингвистической среде термин «order» был заменен Р. Якобсоном (1896-1982) на термин «таксис»). Согласно точке зрения Р. Якобсона, «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения».⁸⁰

Важнейшими критериями, согласно которым морфологическую форму относить к деепричастиям, следующие:

⁷⁷ Дениз-Йылмаз О. Категории номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 91.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Р.О. Якобсон. Шифреты. Глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972 г. – С. 101.

Как было сказано ранее, прежде всего необходимо, чтобы данное образование представляло собой глагольную форму, представляющую действие-обстоятельство. Согласно распространенному мнению среди ученых, деепричастия в турецком языке не выступают в роли финитных форм глагола. «Основанием для отнесения перечисленных ниже отглагольных форм к деепричастиям служит то обстоятельство, что, совмещая в себе признаки глагола и наречия, они не образуют финитных форм глагола, т.е. не спрягаются.»⁸¹ Однако нельзя в полной мере согласиться с изложенной выше точкой зрения, т.к. в языке также встречаются ситуации, когда обстоятельственные формы выражают лицо, например *birkaç gittim gitmedim, karşıma ablam çıktı* «только сделала пару шагов, как навстречу вышла моя сестра». Исходя из этого примера, можно сделать вывод, что «если образования, являющиеся спрягаемыми финитными формами с обстоятельственными значениями, мы считаем деепричастиями, то, следуя той же логике, необходимо признавать таковыми и спрягаемые синтетические образования с аффиксами принадлежности (-DIğIndA "когда ...", -DIğIndAn "из-за того, что ..." и др.).»⁸²

Вторым критерием для обозначения того или иного образования деепричастием являются ситуации, когда последние имеют значения, не являющиеся синтезом сем его составляющих. «Если такое образование состоит из какой-либо глагольно-именной формы и знаменательной лексемы, утратившей в составе конструкции свое собственное знаменательное значение и продолжающей существовать в ней лишь как морфологическое средство, то это образование необходимо считать

⁸¹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 474.

⁸² Дениз-Йылмаз О. Категории номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 93.

деепричастием (-dİğİ takdirde / surette, -mAklA beraber / birlikte).»⁸³ В подобных образованиях вторые компоненты лишены своего собственного значения и не связаны со значением условия.

Третьим критерием, по которому, следует те или иные формы относить к деепричастиям являются конструкции, содержащие аналитические показатели *iken* и *ise*, которые необходимо изучать не в разделе синтаксиса, а в морфологической языковой подсистеме. Примерами данных деепричастий являются (-mAktAn *ise* и -mAdAn *ise*, обозначающие заместительную связь, а также образования: -miş /-(1)yor /-mAktA / -mAk üzere /-(A/I)r / -(y) AcAk / -mAll *iken*, обозначающие разные обстоятельства и -miş / -dİ / -(1)yor /-mAktA /-mAk üzere / -(A/I)r / - (y)AcAk / -mAll / -(y)AcAktl *ise*, обладающими различными условными значениями, в том числе нереального условия.⁸⁴

Таким образом, простые и сложные образования с вышеуказанными признаками следует относить к морфологическим средствам, представляющим собой деепричастия-обстоятельства. В настоящей работе представляется целесообразным ограничиться описанием лишь непроемных форм, которые в той или иной степени раскроют сущность деепричастий: 1) -(y)İp; 2) -(y)ArAk "сделав, делая что-л. ..."; 3) -(y)A "делая что-л. ..." (функционирует в удвоенном или парном виде); 4) -(y)All "с тех пор, как ..." (способно употребляться в конструкциях, состоящих из финитной и обстоятельственной форм одного и того же глагола); 5) -(y)İncA "когда ...; как только ...; до тех пор пока не ..."; 6) -DİkçA "по мере того как ...; всякий раз, как / когда ...; в той мере, в какой позволяют условия"; 7) -mA(z)dAn "не делая чего-л. ... 8) -mAksİzİn "не делая чего-л.

⁸³ Дениз-Йылмаз О. Категорич номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 94.

⁸⁴ Там же.

Таким образом, резюмируя все выше сказанное, нельзя не упомянуть точку зрения исследовательницы-тюрколога Озлем Йылмаз, предложившую наиболее полное, по мнению автору настоящей работы, определение термина «деепричастие»: «деепричастие — это глагольная форма, представляющая действие в образе одного из следующих таксисных обстоятельственных значений: образа действия, объекта сопоставления (включая сравнение), объекта уподобления, того или иного обстоятельства времени, причины, следствия, противительности, уступительности, заместительности, условия, цели и др., и способная быть как нефинитной, так и спрягаемой или неспрягаемой финитной формой.»⁸⁵

Категория деепричастия является употребительной и многочисленной, соответственно, в турецком языке насчитывается около 100 морфологических средств. Ниже предпринимается попытка рассмотреть некоторые деепричастные формы на основе изложенных выше структурных принципов, положений вместе с их значениями.

Деепричастие - (y) Ip и - (y)ArAk

Исследователи неоднократно пытались выявить семантическую разницу между деепричастиями -(y) Ip и -(y)ArAk, которым свойственна высокая употребительность в турецком языке. Чаще всего утверждалось, что форма -(y)Ip называет действие-обстоятельство, которое лишь предшествует уточняемому действию. Ошибочность этой точки зрения была показана уже А.Н. Кононовым: «Действие, происходящее одновременно и параллельно действию, выраженному в главном сказуемом, т.е. в данном случае деепричастие на -(y)Ip обозначает однородное

⁸⁵ Дениз-Йылмаз О. Категории номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 97.

сказуемое.»⁸⁶ С использованием нижеприведенного примера автор настоящей работы подчеркивает справедливость слов вышеупомянутого исследователя: *Bir müddet odanın ortasında ayakta durup bekledi* (S.A. КММ. 49.) «Некоторое время он стоял посреди комнаты и ждал.»

Отличительную черту между вышеупомянутыми деепричастиями впервые, как представляется, удалось установить и сформулировать С.Н. Иванову. По его мнению, «Основное различие между формами -р и -arak состоит в том, что первая обозначает действие, однородное с действием, выраженным основной глагольной формой, семантически и синтаксически тяготеющее к нему, тогда как вторая обозначает действие, неоднородное с действием, выраженным основной глагольной формой. При употреблении формы -р говорящий не отмечает отличий действия, выраженного деепричастной формой, от основного действия; при использовании формы -arak оказываются акцентированными именно отличия действия, выраженного ею, от действия основной глагольной формы.»⁸⁷ Примеры:

Annesi bu eski albümü elime verirken, geri getirmeyi sakın unutma, diyor çünkü oğlumdan kalan tek şey bu (Z.L. Н. 23.) «Когда его мать отдает мне этот старый альбом, она говорит: «Не забудь вернуть его, потому что это все, что осталось от моего сына.»»

Anası tavşanı bir güzelce pişirip oğlunun ilk avına amcalarını çağırdı (Y.K. YÖ. 26) «Его мать хорошо приготовила кролика и позвала дядю на первую охоту за сыном.»

Как вытекает из выше приведенных примеров, можно сделать следующее заключение: деепричастие -(y)İp указывает на «однородность, тесную сопряженность, гомогенность, а деепричастие -(y)ArAk

⁸⁶ Кононов. А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Ленинград: Академия наук СССР, 1956 г. – С. 474.

⁸⁷ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 74.

разнородность, разобщенность, гетерогенность взаимосвязанных действий.»⁸⁸ «Это проявляется, прежде всего, в возможности значительного распространения деепричастия зависимыми словами, - пишет С.Н. Иванов, - когда действие показано расчлененно и развёрнуто, а не «протоколно», как при деепричастии -ip.»⁸⁹

Исследователь Н.К. Дмитриев подчёркивает, что вышеуказанные особенности функционирования деепричастия -(y)ArAk указывают только на наиболее яркие синтаксические отличия от формы -(y)Ip. На примере приведенного материала отражены закономерности синтаксического употребления формы -(y)ArAk.

Турецкая исследовательница также пишет: «Деепричастие -(y)Ip, в отличие от других обстоятельственных форм, в особенности от формы -(y)ArAk, которая очень близка к ней с точки зрения смысловых и синтаксических функций и также имеет значение обстоятельства образа действия, в силу отвлеченности своего собственного значения на практике может передавать разнообразные обстоятельства – образа действия, времени, причины, условия, или одновременно несколько обстоятельств, оно способно выражать в качестве смыслов самые различные отношения между действиями.»⁹⁰ Данное деепричастие может выражать как подчинительные, так и сочинительные связи между уточняемым и уточняющим действиями.

По мнению С.Н. Иванова, наиболее отчетливо сопряженность действия, называемого основой деепричастия -(y)Ip, с уточняемой основой

⁸⁸ Дениз-Йылмаз О. Категорич номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006 г. – С. 97.

⁸⁹ Там же, С. 75.

⁹⁰ Там же, С. 107.

проявляется в парных (1) сочетаниях, в число которых ученый включает также альтернативные конструкции (2).⁹¹

1. Sanki İstanbulda plazadan plazaya koşturan, trafikte **takılıp kalan**, dolmuşlara, otobüslere, metrolara soluk soluğa yetişmeye çalışan ben (Z.L. Н.22.) «Как будто я – это тот, кто бежит от площади к площади в Стамбуле, кто **застрял** в пробке, пытался догнать маршрутки, автобусы, метро.»

Yaа öyle, ben de senin gibi şaşırđım önce, hiçbir anlam veremedim ama **sorup soruşturmadım** (Z.L. Н.40.) «Да, я был так же удивлен, как и ты, но я не придал никакого значения и ничего не спросил.»

2. Onun randevuya gidip gitmeyeceğini nasıl öğrenebiliriz ki... (информант) «Да и как мы сможем узнать, пойдет он на эту встречу или нет...»

Кроме того, нельзя не отметить, что часто показатель отрицания, который содержится в составе уточняемого, относится и к деепричастию. Например,

Ayrıılırken bir kere olsun arkama dönüp bakmadın (информант) «Когда мы расставались, ты ни разу **не повернулся** и не посмотрел на меня.»

Нередко встречаются сложновербальные формы, в которых деепричастие - (у)р лишается своего лексического значения. Например,

Varlıklı bir nişanlıyı bırakıp da bunun bir şeytan işi, bir büyü olduğunu anlatıp durdu (Z.L. Н.36.) «**Бросив** такого красивого, богатого парня, она продолжала говорить, что это всё проделки дьявола и заклинания.»

В связи с тем, что понятие обстоятельства образа действия ассоциируется обычно с понятием одновременности сопутствующего и

⁹¹ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 74.

основного действий, следует особо подчеркнуть, что такое представление не имеет опоры в фактах, касающихся использования деепричастия - (y)ArAk: это деепричастие, как и форма - (y)Ip, грамматически не содержит в себе ни значения одновременности, ни значения предшествования, и его семантика сводится к обозначению действия, синтаксически связанного с основным, но семантически самостоятельного. Здесь будет целесообразно вспомнить мысль С.Н. Иванова: «поскольку же деепричастие -arak обладает способностью красочного, «картинного» выражения сопутствующего действия, оно может употребляться во всех тех случаях, когда и независимо от степени его распространения требуется акцентировать «живописность» второстепенного действия и его семантическую несливаемость, несмыкаемость с основным действием.»

Деепричастие -(y)A

Деепричастная форма -(y)A, которое этимологически обнаруживается в ряде современных глагольных категорий (в частности, в формах статуса - (y)AmA, -(y)Abil, в современном языке функционирует в удвоенном, или в парном виде. Оно является частичным синонимом деепричастий -(y)Ip и -(y)ArAk, но отличается от них наличием сем интенсивности, длительности, повторяемости действия и не имеет временных сем.

В противоположность этому, удвоенное или парное употребление этого деепричастия стало продуктивным и производительным, можно даже сказать, что форма стала употребляться только редуцированно. Деепричастие -(y)A может образовываться путем повторения одной и той же глагольной основы или оформлять две различные глагольные основы с близким или противоположным значением:

1. Удвоенное употребление этой формы

Ben de korka korka yanında gidiyor ve susuyordum (S.A. КММ. 138.) «А я **в страхе (боясь-боясь)** шел рядом с нею и молчал.»

Следует отметить, что при образовании такого деепричастия от фразеологизмов и сложных глаголов, образованных от имен существительных и вспомогательных глаголов (etmek, olmak и т.д.) повторяется только вспомогательный глагол в деепричастной форме:

2. Парное употребление этого деепричастия

Çekine utana kıza çok aşık olduğunu sonunda itiraf etti (информант) «**Сильно стесняясь**, он наконец-то признался в любви девушке.»

Указанные формы, выражающие значения одновременности действия, соответствуют двум временным формам глагола, по-разному представляющим действие, относящееся к настоящему времени. Деепричастие -(ar)ken выражает действие, на временном фоне которого совершается действие финитной формы. Более того, оно согласуется с формой –уог, выражающее длящееся действие.

Данная деепричастная форма имеет потенциальную возможность отрицательной формы типа –mazken. Однако, в современном турецком языке эта форма не употребительна.

Также данное деепричастие передает:

1. Постепенность совершения действия – «по мере того как»

O huyu hiç değişmedi, hatta büyü**dükçe** merhamet duygusu daha da arttı (Z.L. Н. 33.) «Его поведение никогда не менялась, и **по мере того, как он вырос** чувство сострадания становилось все больше и больше.»

2. Регулярно совершающееся действие, выражение многократности:

Böylece yed**ikçe** kanar, kana**dıkça** yer, bir türlü kendi kanına doyamaz ve engel olunmazsa kan kaybından ölür deve (Z.L. Н. 46.) «Таким образом, **когда он ест**, то кровоточит, **когда кровоточит**, то ест, он никак не может насытиться

собственной кровью, и если его не остановить, он умрет верблюд от потери крови.»

3. Данная деепричастная (а) форма также передает временную связь между двумя действиями. Кроме того, если деепричастие содержит отрицательное (б) значение, то действие выражает временную связь: «пока не»

а. Ben var oldukça, senin saçına zarar bile gelmesine izin vermem (информант)
«**Пока я жив**, я не позволю навредить даже твоему волоску.»

б. Derslerimi bitirmedikçe (b) hiç bir yere çıkmayacağım (информант) «**Пока я не закончу** делать уроки, я никуда не выйду.»

С.Н. Иванов также отмечает некое своеобразное смещение: деепричастие -(ar)ken, семантически соотносимое с формой -уог, исторически родственно форме -ar, а деепричастие -dikca³, семантически соотносится с формой -ar, представляет собой аффиксацию причастия -dik, которое в плане времени связано с формами -уог и -d1.»⁹²

Деепричастия -ınca и -alı

«Противопоставление форм -ınca и -alı представляет собою параллель в сфере деепричастий противоположению форм прошедшего времени со значением недавнего (-d1, -yordu) и давнего (-mişti) действий.»⁹³

Форма -ınca выражает действие, которое предшествует основному глаголу, выраженному финитной формой, но без связи с ним:

Примеры:

Raif Efendinin yattığı odaya girince büsbütün şaşardım «Я совершенно растерялся, **как только вошел** в комнату, где лежал Раиф-бей.» (S.A. КММ. 246.)

⁹² Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. – Ленинград: Ленинградский университет, 1977 г. – С. 78.

⁹³ Там же.

Maria başını çevirip beni görünce, hemen gülümsedi (S.A. КММ. 97.) «**Как только** Мария повернула голову и **увидела** меня, она тут же улыбнулась.»

Деепричастная форма –alı представляет действие, являющееся начальной временной точкой для действия, выраженного основной глагольной формой. Как отмечает А.Н. Кононов, «это деепричастие входит в состав предложения на правах второстепенного члена предложения (развернутое обстоятельство времени):

Arkadaşım şu dünyaya **gitti gideli** 27 yıl olmuştu (информант) «Прошло 27 лет с тех пор как мой друг **покинул** этот мир.»

Деепричастия -*madan* и -*maksızın*

Продуктивные и синонимичные деепричастия -*madan* и -*maksızın* – это глагольные формы, которые функционируют в роли обстоятельства образа действия и обладающие в своем значении отрицательную семантику, которая указывает на отсутствие действия-обстоятельства, что, в свою очередь, позволяет выражать следующие узуальные смыслы:

1. «Не совершая чего-либо»:

Beş gün sonra bir sabah ben kalkmadan yatak odama İhsan geldi (Н.Е.А. АГ. 35.) Через пять дней как-то утром, **прежде чем я встал**, в мою спальню пришла Ихсан. (ситуация употребления деепричастной формы –*mAdAn*)

Herkes Cemal ve İhsana garip garip bakıyor, yüzlerinin şekli bozulmaksızın acı ve muzaffer... (Н.Е.А. АГ. 35.) Все смотрели странно смотрели на Джемалю и Ихсана, по выражению лицо **невозмутимо** отражало боль и победу...» (ситуация употребления деепричастной формы –*mAksızın*)

2. Уточняемое действие, выраженное финитной формой, совершается раньше действия-обстоятельства (-*mAdAn*):

Mezarların başında, ne uyaracağını bilmeden tuhaf bir duyguyla beş altı dakika durdu (Z.L. Н. 31.) «Он стоял у могил пять-шесть минут со странным чувством, **не зная**, что делать.»

Заключение

В представленной квалификационной работе были проанализированы глагольные именные формы турецкого языка. Частные категории, в которые входят субстантивные, адъективные, адвербиальные и субстантивно-адъективные формы, автор трактовал с точки зрения функционального и семантического подходов.

Перед началом написания исследовательской работы автор поставил следующие цели:

1. Всесторонне описать и истолковать коммуникативное предназначение и функциональные свойства глагольных именных форм.
2. Кроме этого, необходимо определить их место в морфологической подсистеме турецкого языка в целом, и внутри глагольно-именных форм в частности, опираясь на разработанную в стенах Санкт-Петербургского Университета В. Г. Гузевым концепции вторичной репрезентации (вторичного гипостазирования).

Для достижения поставленных целей автором настоящей работы были реализованы следующие задачи:

5. Подготовлена теоретическая база понятийно-терминологического аппарата;
6. Дан краткий экскурс в историю вопроса о статусе изучаемых именных форм глагола и рассмотреть современное отношение специалистов к обозначенной проблеме;
7. Выявлены и описаны грамматические значения глагольно-именных форм, исходя из их коммуникативного предназначения;

Задачи и цель исследования – анализ глагольных именных форм, а также выявление грамматических значений данных категорий, сравнение их

функционирования в речи – выполнены. В результате анализа вышеупомянутых форм автор показал общие особенности функционирования форм категории номинализации действия в турецком языке, что, в свою очередь, позволило сделать соответствующие выводы, а именно:

1. Исходя из сущности понятий «словоизменение» и «лексемообразование» обоснованным и верным считается тот подход, согласно которому категорию номинализации действия относят к словоизменительной подсистеме языка. Как известно словоизменение состоит из двух процессов – процесса формообразования, заключающегося в добавлении к лексическому значению слова морфологического значения аффикса, и процесса формоизменения (спряжения). Все частные подкатегории (причастия, деепричастия, имена действия и субстантивно-адъективные формы) образуются в результате присоединения к основе глагола формообразовательных морфем. Следовательно, все формы причастий и т.д. автором настоящего научного сочинения понимаются как производные формы глагола, а не как новые лексемы, входящие в самостоятельные части речи. Также необходимо отметить, что некоторые деепричастия и обстоятельственные конструкции помимо формообразования включаются также в процесс формоизменения, состоящий в том, что они способны присоединять possessивные аффиксы и менять посредством них информацию о производящем субъекте действия.
2. В сравнении с масдарами, отличительной чертой субстантивно-адъективных форм в субстантивном функционировании является наличие у них временных характеристик. Форма $-(y)AcAk$ и $-(y)AsI$ указывают на будущее время, а $-DIk$ называет настоящее или прошедшее действие.
3. Что касается сферы адъективного функционирования, то данные формы отличаются от причастий отсутствием агентивного значения.
4. Деепричастие следует трактовать как глагольную форму, функционирующую, как обстоятельство. Условие можно рассматривать

как один из видов обстоятельств, что наталкивает на мысль об отсутствии категории условной модальности.

Список использованной литературы

1. Ахманова О.С. Словарь Лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: ВШ, 1962. 332.
3. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. 392 с.
4. Бётлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск, 1989. 400 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Уч.пед.гиз, 1972. 616 с.
6. А. Х. Востоков Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете. Спб., 1820. С. 212.
7. Гаджиева Б. А., Серебренников Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: «Наука», 1986. 302 с.
8. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками. Махачкала, 1998. 63 с.
9. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Ленинградский университет, 1990. 165 с.
10. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: СПбГУ, 2015. 319 с.

11. Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория»//Советская тюркология, 1981. 22-35 с.
12. Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М.: Восточная литература, 1960. 96 с.
13. Дубровина М.Э. О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков //Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 49- 55.
14. Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление» (из истории проблемы) //Alkış bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова /Отв.ред.Е.А. Оганова. М.: МБА, 2015. С. 42- 49.
15. Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 239 с.
16. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968. С. 7-32.
17. Иванов С.Н Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Л.: Ленинградский университет, 1977. 46 с.
18. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на –ган и ее производные. Л., 1959. 152 с.
19. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 183 с.
20. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., Л.: Академия наук СССР, 1956. – 571 с.

21. Маслов Ю.С. Введение в языкознание, М.: Высшая школа, 1988. 272 с.
22. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. 368 с.
23. Михайлов М.С. Перифрастические формы и категория вида в турецком языке. М., 1954. 139 с.
24. Панфилов В.З. О природе модальных значений//Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. С. 174-200.
25. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996. 536 с.
26. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 188-225.
27. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 320 с.
28. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.
29. Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол /под. ред. В.Г. Гузева. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 170-230.
30. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 124-127.
31. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 557 с.
32. Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов., 1966. 287 с.

33. Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. М.: Восток – Запад, 2007. 666 с.
34. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с.
35. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77-100.
36. Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избранные работы. М., 1985. С. 210-221.
37. Якобсон Р.О. Шифтеры. Глагольные категории и русский глагол//Принципы типологического анализа языков различного строя. М: Издательство «Наука», 1972. С. 95-113.
38. Дениз Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. Спб.: СПбГУ, 2006. 227 с.

Сокращение названий литературных источников

H.E.A. AG – Halide Edip Adıvar. 45. Basım. İstanbul, 2019

Z.L. H – Zülfü Livaneli. 233 Basım. İstanbul, 2017

M. R. BAT– Mehmet Rauf. 1 Baskı. İstanbul, 2018

S.A. KMM – Sabahtin Ali. 3. Basım. İstanbul, 2020

Y.K. YÖ – Yaşar Kemal. 32 Baskı. İstanbul, 2019